

A close-up photograph of a man and a woman in military-style clothing. The man on the left has a grey beard and is wearing a cap and sunglasses. The woman on the right has long blonde hair and blue eyes. They are both looking towards the camera. In the foreground, a crow is perched on a branch, held by the woman's hand.

Юрий Выборнов

**Станция Бякино - 5:
Гуль, Сорока и
Синий Монстр**

18+

Юрий Выборнов
Станция Бякино - 5: Гуль,
Сорока и Синий Монстр
Серия «Станция Бякино», книга 5

*<https://litres.ru/73746687>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Руины цивилизации всё глубже погружаются в хаос, а остатки человечества отчаянно борются за каждый глоток тепла и еды в условиях вечной угрозы — оживших мертвецов и не менее опасных живых людей.

Книга повествует о жизни группы людей, которая выжила в мире после апокалипсиса, когда большая часть человечества превратилась в зомби.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Юрий Выборнов

Станция Бякино - 5: Гуль, Сорока и Синий Монстр

Глава 1

Поздний вечер.

Мужчина вышел через открытую дверь на балкон и, облокотившись на ржавые перила, громко отхаркнул и сплюнул вниз. Поднял голову и посмотрел на затянутое свинцовыми тучами небо. Балкон старой панельной пятиэтажки не был застеклен, и резкие порывы ветра вызывали легкую дрожь. Внизу, в стороне от подъезда, сидели вокруг костра выжившие бродяги, рассказывали друг другу веселые истории и громко хохотали. Напротив дома находилось двухэтажное здание, на его фасаде красовались большие красные буквы, образующие собой слово «ПРОДУКТЫ». Из приоткрытой двери слышалась тихая музыка, а в зарешеченных грязных окнах тускло горел свет. По бокам стояли точно такие же серые пятиэтажки, образуя собой замкнутый периметр. Проходы между домами и магазином хорошо забаррикадированы перевернутыми автомобилями, лежащим на боку автобу-

сом с разбитыми окнами, ржавыми гаражными воротами, автобусной остановкой и несколькими киосками с непонятными надписями на иностранном языке. Дополнительно перед всей этой грудой искореженного металла установили укрепленный забор из железных столбов и сетки рабицы.

Один из проходов между домами выполнял роль КПП. Непонятно откуда привезены и чем установлены бетонные блоки. Рядом полипропиленовые мешки с песком и добротно сваренная из железных уголков крытая вышка с лестницей. На ней стоял вооруженный карабином крепкий мужчина в бронежилете, военной каске, с большим биноклем на шее и закрепленной на поясе портативной рацией. Еще двое стояли внизу с автоматами и в случае необходимости открывали и закрывали самодельные ворота. Два выключенных прожектора, по одному на каждом доме, направлены на дорогу за воротами поста. Провода от них уходят в окно одной из квартир. Справа на стене, под рупором сирены, закреплен электрический щит с двумя рубильниками.

Рядом припаркован отживший свой век самосвал с прикрепленным сзади прицепом-цистерной. На желтой бочке большими буквами написано слово «Квас». Хотя кабина свежавыкрашена синей краской, по грузовичку отлично видно, что его забыли похоронить еще лет двадцать назад. Вполне вероятно, всё это время он где-то стоял без дела и был восстановлен умелыми руками. Крылья, двери, капот и лобовое стекло в застывших камнем брызгах дорожной грязи. Чуть

дальше стоял также выпачканный грязью с крыши до днища паркетник.

По центру двора когда-то находилась спортивная площадка. Сейчас же она распилена, и лишь отдельно торчащие обрезки труб напоминали о её прошлом существовании. Впрочем, трубы эти можно найти совсем недалеко. Вместе с футбольными воротами и детскими качелями материал пошел на строительство забора. На некотором расстоянии от магазина, параллельно ему, расположены в ряд пять бетонных гаражей воротами к крыльцу торговой точки. За гаражами между кустарниками в тени дерева красовался деревянный стол с двумя широкими лавками, за которым еще до эпидемии мужички «навеселе» играли в домино.

— Эй, новенький, спускайся к нам, — махнул рукой один из сидящих за костром бродяг.

Мужчина зашел в комнату, спешно запер балконную дверь на нижний шпингалет, торопливо обулся и выбежал из квартиры, прихватив свой рюкзак.

***

— Так почему тебя все зовут Гуль? — спросил вдруг пожилой бродяга и пошевелил кривой палкой угли в костре. — Насколько я знаю, это какой-то оборотень, поедающий трупы. Ты что, мертвечиной не брезгуешь?

— Я до зомби-эпидемии одну игру видел про постапокалипсис, — перебил бродягу молодой человек, сидящий рядом. — Так вот, там тоже гули были. Правда, наш на тех со-

всем не похож. Слишком живой, что ли, на вид обычный человек.

— А может, он голубей хорошо ловит? — ухмыльнулся третий выживший. — Зовет их «гуля-гуля-гуля» и сразу хватает. Нашим только повод дай, вмиг прозвище придумают. Хотя... Какие сейчас голуби, давненько не видел.

— Ну чего молчишь? Язык проглотил, что ли? — улыбка расплылась по лицу деда. — Может, и впрямь гуль? Ты, дядь, можешь расслабиться. Коллектив у нас хороший и дружный, — пожилой человек рассмеялся. — Особенно по части справления праздников.

Бродяга бросил свой пустой рюкзак на землю возле огня и присел на него рядом с собравшейся компанией.

— Гуляев Борис Валентинович, — представился мужчина средних лет в очках и с черной кепкой-бейсболкой на голове. — Я вашим ребятам на КПП сообщил, а они тут же и прилепили прозвище.

— О, это они запросто, — не переставал улыбаться дед. — Не обижайся только, мы это по-доброму. Меня вот, например, все зовут Толя «Перчик». Знаешь почему? Потому что настойку аптечную до эпидемии уважал. Стоило только заикнуться... Теперь так и кличут. А ты, Гуль, уже третий день у нас, а всё людей сторонись. Не стали тебя беспокоить, подумали, освоишься, попривыкнешь и сам придешь знакомиться. Тебя хоть кормили?

— Угу, спасибо. Девушка принесла геркулесовую кашу с

ложкой яблочного варенья, — ответил Борис Валентинович. — И стакан горячей воды.

— Слыхали? — обратился дед к присутствующим бродягам. — Человек спасибо сказал, а от вас хрен дождешься. С чего-то решили, все вам должны. — Повернул голову на Бориса и добавил: — У нас тут с едой туго, но с голоду никто умереть не даст. Эх... Сейчас бы мясо на костре пожарить... С хлебом и луком... Да картошку в золу побросать, как в детстве.

— Не трави душу, старый, — послышалось откуда-то сзади.

Дед прилёг на бок, подложив под голову свою руку, согнутую в локте, и тихо сказал:

— А ты, Гуль, у нашего Бульона еще не был?

— Нет, а кто это? — ответил Борис Валентинович.

— Старший он тут, — продолжил дед. — Сходи прямо сейчас, отметься. Первый подъезд, второй этаж, направо. Иди, он еще у себя, это точно.

***

Борис вошел в тёмный подъезд. Поднялся, держась за облезлые стены и деревянные перила, по лестничному пролету к почтовым ящикам. Затем повернулся и посмотрел в сторону нужной квартиры. Дверь была приоткрыта, и через щель проникал свет. Через мгновение дверь резко открылась, из жилища выбежал здоровый плечистый парень и чуть не сбил выжившего бродягу.

— О, а ты чего тут в потемках сидишь? — спросил от неожиданности здоровяк и, не дожидаясь ответа, побежал дальше, перескакивая через ступеньку.

Борис зашел внутрь и плотно закрыл за собой дверь. Пройдя чуть вперед и постучал костяшками пальцев о деревянный косяк. В одной-единственной комнате стоял стол. На нем зажженная керосиновая лампа, папка, стопка бумаг и пластмассовая вазочка с шариковыми ручками и заточенными простыми карандашами. Рядом на стуле сидел тучный человек лет тридцати. Гладко выбритый, с очень короткой стрижкой под машинку, в жилетке поверх широкой свободной белой майки, в серых бриджах и в кожаных сандалях на босую ногу. Что-то быстро писал в тетрадке, высунув кончик языка. Увидев на пороге гостя, он бросил свое занятие, встал и, пройдя в прихожую, протянул руку:

— А я тебя ждал! Гуль, всё верно? Мне доложили о прибытии опытного выжившего.

— Мужики сказали, что вы еще у себя и можно зайти в столь поздний час, — ответил серьезным голосом Борис Валентинович и пожал влажную широкую ладонь.

— Это они шутят, — улыбнулся тучный человек. — Уходить мне некуда. Эта нора — мой кабинет и дом. Живу я здесь, вон на том диванчике прекрасно умещаюсь. Проходи, присаживайся, сейчас с кухни принесу табуретку.

Человек ушел и быстро вернулся с железной табуреткой в руках. Поставил перед своим столом и движением руки при-

гласил гостя.

— Керосином в комнате пахнет? Ничего, быстро привыкаешь, это всё из-за лампы. Уж больно нравится мне ее жечь по вечерам. Атмосфера сразу иная, завораживает. Нет, у меня есть и фонари на светодиодах, и аккумуляторы к ним рабочие, и даже дизельный генератор можем завести при необходимости, но это всё не то.

Человек сел на свой стул и замолчал.

— Гуляев Борис Валентинович, — после недолгой неловкой паузы произнес мужчина.

— Да-да, Гуль, я помню, — постучал пальцами о столешницу тучный человек. — Нам твое Ф. И. О. без надобности. Крайне рекомендую более никому его не называть и самому у других не спрашивать. Это первое правило, которое тебе стоит соблюдать, находясь в нашем поселке.

Снова неловкое молчание.

— А я позавчера слышу по рации, какой-то мужик через КПП ломится, разрешил впустить, а тебя всё нет и нет, — вздохнул человек и достал мобильный телефон из внутреннего кармана джинсовой жилетки. — Мужики меня Бульоном зовут.

— Не спрашивай почему, — толстяк протянул руку с телефоном к лицу Бориса и ослепил его яркой вспышкой камеры. — Фото на память, так положено, извини.

— Я всё это время проспал, — ответил Борис Валентинович. — Прилег на полчаса и отрубился. Очень устал,

измотался, урывками приходилось отдыхать. Вещи мои вернёте? Автомат с магазинами и патронами, несколько банок консерв и так, по мелочи, ресурсы.

— Ничего себе по мелочи, — ухмыльнулся Бульон. — Эта мелочь прилично стоит. Мы сразу поняли, бродяга ты не простой, ветерана видно издалека.

Толстяк встал и пригласил гостя пройти на кухню. Борис проследовал за ним и встал спиной к окну. Кухня выглядела очень просто, но чисто, словно до эпидемии в ней жили старики. Простенький кухонный гарнитур, неработающий холодильник, мойка из нержавеющей стали, бумажные бежевые обои и аккуратно выложенный на две стены фартук из керамической плитки цвета топленого молока. Газовая колонка снята и стояла рядом на покрытом линолеумом полу.

Бульон открыл дверцу шкафчика, взял из него спичечный коробок и зажег спичку. Другой рукой повернул ручку конфорки и поджег. Переставил на огонь железный чайник и мило улыбнулся Борису, потушив спичку своим дыханием.

— Ну давай, спрашивай, — продолжал улыбаться Бульон.

— Спрашиваю, — улыбнулся в ответ Борис.

— Нет, в поселке газа нет, как и везде, я думаю.

Толстяк открыл дверцу старого холодильника и показал гостю небольшой газовый баллон, шланг от которого вел к плите.

— Небольшой запас имеется, — гордо объяснил Бульон и захлопнул дверцу. — Сейчас чайку организуем. Я так понял,

спать всё равно не хочешь? Выспался уже, поди...

***

Пока председатель дописывал бумагу за своим столом, Борис высыпал в керамический чайник черный чай и залил его кипятком. Закрыв крышечкой и вместе с кружками принес в комнату. Толстяк убрал документацию и разлил горячий напиток по кружкам. Затем открыл нижний ящик письменного стола и достал уже початую коробочку с рафинированным сахаром.

— От сердца отрываю, — протянул сахар Бульон. — На день рождения подарили, но для хорошего человека ничего не жалко, ведь так?

— С чего вы взяли, что я хороший человек? — прищурил глаза Борис Валентинович.

— Я, Гуль, опыт кое-какой имею и людей вижу насквозь, — толстяк положил два кубика сахара в свою кружку. — А ли ты думаешь, мужики просто так меня старшим назначили? И прекращай «выкаты», аж тошно становится каждый раз.

Борис поскромничал и положил один кусочек сахара в кружку.

— Вот видишь? — довольным голосом сказал толстяк. — А большинство сидящих на этой табуретке не только положили бы по три кусочка, но и в карман сунули еще несколько, пока я не смотрю. Поэтому никому и не предлагаю. Ты, Гуль, как про нас узнал?

Борис сделал глоток и, поставив обратно кружку, повто-

рил свой недавний вопрос:

— Вещи мои вернёте?

— Ты находишься в нашем поселке и волей-неволей должен соблюдать установленные правила, — невозмутимо ответил толстяк. — Тут нет «твоих» и «моих» вещей, и оружие носить на территории строго запрещено. Консервы давно переданы на общий склад, потом в столовую определяют, а дальше накормят особо нуждающихся, например, больных. Автомат сможешь получить, если выйдешь отсюда.

— Если выйду? — удивленным голосом спросил Борис.

— А могу и не выйти? Ничего не понимаю... Ты же сказал, я хороший человек?

— Всё верно, хороший, вот только пройдешь проверку, как все остальные. — Бульон покрутил ручку керосинки и убавил пламя. — Расскажи о себе, чем занимался последние четыре года и как так получилось, что не умер, как большинство людей.

— В первые дни выжить мне удалось из-за страха, — начал свой рассказ Борис Валентинович. — Страх очень хороший помощник, когда научишься его контролировать. Никому не верил и не открывал свою душу, не искал случайных встреч и решал все свои проблемы сам. Не просил еды и не отказывал, когда просили у меня. До распространения зомби-вируса я много читал и большинство из имеющихся навыков почерпнул из книг. Да я и сейчас читаю всё, что под руку подвернется: от желтых обрывков газет до состава на

этикетках консерв.

Так и мотался по округе, ведомый удачей. Год назад поселился на железнодорожной станции. Не знаю, далеко ли это отсюда, уже запутался в своем местонахождении. Жил там, пока не случилась беда. Вы должны быть в курсе, не можете не знать. Из города И вдоль всей железной дороги вышло стадо зомби. Еле успел унести ноги.

— Так стадо прошло больше месяца назад, — перебил Бориса председатель поселка. — По моим данным, зомби дошли до города В и сейчас находятся там. — Толстяк хрустнул пальцами, сжав правую руку в кулак. — Тебе одному удалось спастись?

— Мы покинули станцию вчетвером. Почти доехали до Гыркино, а там... В общем, двигатель заглох и ни в какую не хотел заводиться. Плюнули и разошлись в разные стороны. Я с дочкой пошел в сторону через лес, а друг с женой побежал дальше вдоль рельс.

— Погоди-погоди, ты сказал, вы ехали? — удивился Бульон. — Я правильно расслышал? Интересно, на чём? Только не говори, что на поезде. Пожалуйста, побереги мои уши.

— У нас была мотодрезна, это долгая история.

Поселковый старший встал, взял в руки керосинку, подошел к висящей на гвоздике на стене карте и, осветив ее, принялся разглядывать названия населенных пунктов.

— Ничего не видно! — выругался толстяк и покрутил ручку светильника, тем самым увеличивая длину фитиля. —

Вот так-то лучше. Как ты говоришь, твоя станция называлась?

— Бякино, — сухо ответил Борис Валентинович. — А почему, собственно, называлась? Она и сейчас там.

— Нашел, — ткнул пальцем в карту толстяк. — Иди сюда, эта?

Опытный выживший подошел и, сняв очки, внимательно посмотрел на толстый палец.

— Угу, а вот тут мы разошлись. Связь с Гыркино давно потеряна, и там могли быть бандиты. Я не мог рисковать с девочкой. Еще нога ныла, хоть за время поездки маленько прошла, вступать на нее все же было болезненно. Друг не разделил мою точку зрения и ушел в сторону станции.

— Мы сейчас здесь, — указал пальцем Бульон на вдавленную в карту канцелярскую кнопку. — В ста пятидесяти километрах севернее Гыркино.

— Фи-у! — тихонько свистнул Борис, сделав губы трубочкой. — Помотало меня.

— Дочка твоя где? — холодно спросил председатель. — Обратилась? Укусили?

Борис глубоко вздохнул, сел обратно на табуретку и отчаянным голосом сказал:

— Она меня бросила. Представляете? То есть представляешь? Я ее два раза спас, а она просто ушла, пока я спал. Ищу теперь по всей округе. Нет... Не вернуть хочу. Куда идти дальше — это решать только ей, да и не дочь она мне во-

все. Всего лишь на всего хочу знать почему? Что я сделал не так? Почему не попрощалась? Заботился, кормил и всему обучал, видно, в этом моя вина. Вот и к вам забрел узнать, может, она тут или раньше была. Но сдаётся мне, пора с этим завязывать. Она не хочет меня видеть, потому как давно бы нашлась сама.

— Девочки здесь не было, даю тебе честное слово, — строгим серьёзным голосом произнес председатель поселка. — Говоришь, душу свою никому не открывал, а мне вот так запросто.

— Надоело уже всё, — Борис скривил лицо, словно съел дольку лимона. — Не для кого мне теперь жить. Сначала Сереже хотел помочь, направить в нужное русло, потом Даше. Эх... живой ли он сейчас? Даже если и жив, говорят, туда теперь не добраться. Зомби не все дошли до города В. Часть разбрелась по дороге кто куда.

Толстяк достал из верхнего ящика письменного стола рацию и нажал на ней кнопку. Экран засветился, и рация неприятно пискнула.

— Бульон вызывает склад, — промычал толстяк в рацию, сел за стол и через несколько секунд прокричал: — Спите что ли на посту?! Я вам устрою сейчас, бездельники!

В рацию тут же неразборчиво ответили. Голос казался непонятным бормотанием вперемешку с шипением передатчика.

— Пришли мне кого-нибудь с вещичками того бродяги.

Позавчера который пришел. Да смотри, чтоб ничего не пропало! — громко приказал толстяк. — Ночью приду с проверкой, и если хоть малейший запашок учую, то пеняй на себя!

Из динамика рации снова непонятно пробормотали, голос был виноватым и медленным. Бульон выключил рацию и убрал в стол. Мужчины молча смотрели на огонек керосинки, и каждый думал о своем.

— А ты, Гуль, самосвал водить умеешь? — неожиданно спросил старший поселка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.